

Моё письмо Мите от 8-15 октября 1993 года

Начато 8 октября 1993 г.

Мурманск

Здравствуй, дорогой сынуля!

Никак не мог улучшить минутку после возвращения из командировки в Норвегию, чтобы хотя бы начать писать тебе о ней. Вот пробую это делать сейчас, прямо на работе.

24 сентября около восьми утра к нам домой явился Слава Ляцкий, приехавший поездом из Апатит, чтобы присоединиться к мурманской части делегации ПГИ. Он вообще-то приехал в шесть утра, но постеснялся идти к нам так рано и околичивался на вокзале, хотя я ждал его дома.

Оказалось, что он не взял с собой никакой жратвы, даже хлеба.

- А водку-то хоть взял?

- Взял одну бутылку, как ты велел.

- Я велел две.

- А что с ней там делать? Я же не пью, ты знаешь, и реализовывать не умею. И еду зачем? Нас же там будут кормить.

- Там тебе выдадут кроны на кормёжку и кормись. Завтраки, наверное, будут в гостинице оплачены - шведский стол, а днём и вечером - неизвестно. Жратва же у них очень дорогая, так что тратить валюту на неё просто глупо.

- Что же ты мне раньше не сказал?

- Я не мог предположить даже, что ты таких вещей не знаешь. Ты ведь уже в третий раз выезжаешь за то время, что я здесь, больше чем я.

- То-то и оно, что я в Кируну целый мешок консервов с собой возил и всё обратно привёз, а водку Успенскому подарил. И в Оулу нас кормили.

В дискуссию вступила Сашуля.

- А он тут набирает целую сумку, непонятно зачем.

- Понятно зачем. Чтобы валюту вывести.

Пришлось мне Славу загрузить ещё одной буханкой хлеба помимо того, что я взял, а остального (консервы, сыр, сгущёнка, яйца, сахар, сухарики) я набрал с запасом, так что должно было хватить на двоих.

В 10 утра к нашему подъезду подъехала директорская "Волга" с Генной Золиным за рулем (который нас возил в Туманный и в Верхне-Тулумский), и мы поехали сначала за Алей Осепян, которую ждали полчаса (она объяснила свою задержку тем, что её никто не провожает и ей надо проверить, всё ли в квартире в порядке), а потом за Пивоваровым. В аэропорту нас ждал Успенский (его и Алю пригласили в дополнение к нам троим их зарубежные соавторы по докладам).

На таможне зацепили Алю:

- Где разрешение на вывоз научной информации?

Я похолодел. Накануне как раз я подумал о том, что надо бы каким-нибудь разрешением заpastись на материалы к докладу. Раньше это требовалось обязательно, нужна была спецбумага из Главлита, а что нужно теперь - никто точно не знал. У тех, кто ездил, ничего не спрашивали, а как я поехал, так - на тебе. Меня, правда, пропустили так, не глянув даже в бумаги, как и остальных, прицепились только к Але. Оказалось, нужно было просто разрешение от руководства института, то есть от Пивоварова, который тут же его и написал, вполне удовлетворив таможенников.

Но тут в дело встрял неугомонный Слава, который вступил с таможенником в дискуссию о правах человека, разъясняя, что все инструкции, которые нарушают права человека, не должны исполняться, имея в виду в данном случае право передавать информацию. Таможенник ему терпеливо разъяснял, что для него законом является

должностная инструкция, по которой он вправе не пропустить служебные бумаги, вывозимые без разрешения.

— Но Славу невозможно было остановить. Он как токующий глухарь пел свою песню до тех пор, пока я его силой за рукав не оттащил, боясь, что у таможенника терпение лопнет, и он за остальных возьмётся с теми же претензиями.

— У меня и без того были основания для переживаний: в моем загранпаспорте моя фамилия латинскими буквами была напечатана как NEMGALADZE, а русскими правильно (я обнаружил это только перед сдачей паспорта на получение выездной визы), в приглашении из Тромсе было NAMGALADZE, а в авиабилете MAMGALADZE.

— Наши пограничники обратили на это внимание, подивились, но, слава Богу, не сочли это крупным нарушением. Норвежским же, разумеется, все такие детали до лампочки были. Виза есть в паспорте с фотографией и порядок.

— На самолете АН-24 мы за 45 минут долетели до Киркенеса и приземлились за бугром. А через час новый взлёт уже на шикарном лайнере габаритами с наш Ту-154, я его сфотографировал, спросил у Успенского, не Боинг ли это какой-нибудь, вроде похож, но тот ответил, что это европейский ероплан. Из-за массы впечатлений со всех сторон я не успел выяснить, что это за самолет.

— В Киркенесе было дождливо, но тучи уже уходили на восток, а мы полетели на запад и минут через сорок пошли на посадку в Тромсе при ясной погоде и, соответственно, прекрасной видимости.

— Красоты уже сверху ошеломляющие: горы (как на Южном берегу Крыма, но с заснеженными уже кое-где вершинами), фьорды, дороги, домики, остров, на котором расположен Тромсе, с мостами на материк и на следующий остров.

— В аэропорту (на западном берегу острова) нас встречает Хансен - начальник Авроральной обсерватории Университета Тромсе с молодым своим сотрудником, и они отвозят нас на своих машинах в отель на другой, восточный берег острова, на склонах которого расположена большая часть города.

— Это недалеко, остров-то небольшой, шириной километров 5-7, длиной не больше 15, проливы между ним, материком и ближайшим соседним (западным) островом километра по 1,5-2 шириной. До открытого моря между островами километров 40-50.

— По дороге водитель нашей машины жалуется - слишком много машин в Тромсе, по 1,5 в среднем на семью.

— Поселяемся в отеле WITHN в самом центре, на самом берегу, до воды 10 метров. Рядом кораблики разнообразные, включая военные катера, яхты, но в основном мелочь, крупные суда держатся подальше (правее, к югу). Слева мост через пролив, напротив материковая (меньшая) часть Тромсе с выделяющейся протестантской церковью современной архитектуры - в форме остроконечного шалаша.

— Всё сверкает в ярком солнечном свете, тут сейчас золотая осень, конец бабьего лета, тепло, хотя и севернее Мурманска. Домики-игрушки, гладь пролива, красивый мост, горы - всё восхищает, тут же начинаю фотографировать (я взял с собой ФЭД-5), ещё даже не зарегистрировавшись в отеле.

— После регистрации получили от Хансена по 3000 крон на весь срок, до 4 октября. В одном долларе США 7,2-7,4 норвежских крон (сейчас 6,9), так что это около 400\$, чуть больше (~430).

— А первые цены, которые мы встретили в аэропорту в Киркенесе, были: мороженое - 10 крон, бутерброд - 15 крон, великолепное жареное мясо с гарниром - 150 крон. В отеле мы были обеспечены бесплатным завтраком, а днем и вечером должны были кормиться на выданные деньги или из собственных припасов.

— Мы, разумеется, ориентировались на второй вариант и поэтому начали жить впроголодь, чтобы припасов хватило на весь срок. Но сэкономили мы только в первый день, потому что во второй выяснилось, что в отеле не только завтрак бесплатный (шведский стол), но и с 18 до 22 вечера почти то же самое, только без горячих блюд, а

кроме того - кофе с горячими вафлями в любое время.

Наш отель на набережной (вид с двух сторон)

Пивоваров на набережной у нашего отеля в Тромсе, 24 сентября 1993 г.

Тромсе, мост через пролив, 24 сентября 1993 г.

Поселили нас поодиночке, мне почему-то достался двухместный, точнее, с двуспальной кроватью номер. Телевизор - 15 программ, телефоны на столе, у кровати и около унитаза в туалете, туда же выведены динамики от телевизора. Всё опять же сверкает и полно удобств, например, костюмные брюки просто закладываешь в гладильное устройство и там хранишь, а потом надеваешь их отутюженными. Бар-

холодильник забит всякими напитками и сладостями, но за них нужно платить отдельно при выезде. Небольшая библиотечка - штук 6-7 книг, включая Библию.

— Из-за двухчасовой разницы в местном времени у нас день прилёта удлинился, мы в час дня по-московскому вылетели из Мурманска, а в два часа по местному уже были в гостинице. Перекусили (экономно) со Славой у меня в номере и отправились гулять.

— Три с половиной часа мы бродили по Тромсе. Сначала по мосту через пролив на материк, зашли в церковь, где множество народа, сидя, сосредоточенно слушало проповедника. Много молодёжи, детей.

Виды на Тромсе с моста через пролив, 24 сентября 1993 г.

Затем вернулись на остров и пошли вверх, в гору, любуясь и удивляясь каждому дому, гаражу, изобилию цветов, газонам, фонарикам и т.д., и т.п., пока не добрались до Авроральной обсерватории, что в Университетском городке на самой макушке острова, оттуда вниз мимо кладбища в центр и вдоль витрин магазинов, в которых есть всё, к отелю.

Мощные норвежские девушки чесали на велосипедах вверх под любым углом к горизонту, вечером много бегунов обнаружилось. Велосипед, кстати, с широкими шинами, многоскоростной, стоит 10000 крон, телевизор приличный - 2000, кассетник - 1200 крон.

___ Нагулявшись рухнули без сил по постелям перед телевизорами. А какие пуховые одеяла!

___ На следующий день утром я обнаружил, что потерял фотоаппарат. Скорее всего, я оставил его в холле внизу при регистрации (на прогулку со Славой я его не брал). Я спустился к портье и впервые в жизни применил свой английский в житейской ситуации за границей, пролепетав:

___ - Sorry, I'm not quite sure but may be... It seems to me that I left my camera here yesterday...

___ Очаровательная мисс очаровательно улыбнулась:

___ - Is it yours? - и достала мой фотоаппарат.

___ - O, yes! Thank you very much!

___ И я отправился гулять с фотоаппаратом чудесным субботним утром по пустынному Тромсе (было 8 утра по местному), контрастно освещённому боковым солнечным светом. Плёнку я, кстати, уже проявил, получилась неплохо, жалею только, что взял одну катушку, 36 кадров. Глаза разбегаются, щёлкал бы на каждом шагу во все стороны.

___ Вернулся в отель к полдесятого утра, к концу времени для завтрака, чтобы позавтракать попозже и чтобы хватило на подольше. Успенский заметил, что для этого важнее не приходить попозже, а съесть побольше.

___ Естественно, мы обжирались после вчерашнего недоедания и сегодняшних утренних прогулок. Подивились на сладкую икру и сладкую селёдку, остальное всё как в Финляндии, где, впрочем, тоже сладкую селёдку едят. Узнали, что по вечерам кофе и бутерброды тоже бесплатно, так что зря голодали.

___ После завтрака я порепетировал свой доклад, а потом опять гулял один (Слава готовился к своему докладу). Ослепительная погода. Полплёнки уже отщёлкал, а впереди ещё Анденес.

___ Возвращаясь в отель, встретил двух старых ленинградских знакомых - Свет Санну Зайцеву с нашей кафедры физики Земли и Олега Трошичева из Института Арктики и Антарктики, которые тоже направляются на ЕИСКАТовский Workshop в Анденес. Свет Санна с ходу принялась меня экзаменовать, обратившись по-английски с вопросом, что я тут ищу, на что я ответил, что уже нашёл всё, что мне нужно, а именно, свой отель.

___ В магазины я практически не заходил - неинтересно, всё есть, но покупать невыгодно: дорого. Костюмы спортивные самые дешёвые 300 крон, типичные - 500-600 крон. Качество, конечно, отменное.

___ Вечером Слава делился со мной своими впечатлениями:

___ - Я возмущён, так нельзя, я в растерянности. Магазины же ломаются от всего. Нужно же меру знать. Чёрт знает, что такое!

Утром в воскресенье, **26 сентября**, я час бегал по Тромсе в новых кроссовках, от отеля вдоль берега понизу на север, потом налево вверх на гору в университетский городок, оттуда вниз примерно на среднюю террасу и в центр и вниз к отелю. Отлично. Бежишь и пляшишь во все стороны. Иногда встречаешь таких же ненормальных, которые тебя приветствуют улыбкой или взмахом руки.

А после завтрака, в 9.30 стартуем на "Тойоте" в Анденес. За рулем Эрик Малнес, молодой сотрудник Университета, участник Workshop'a. Машина взята напрокат. Пассажиров семеро - нас пятеро из ПГИ и Зайцева с Трошичевым.

По прямой (по воздуху) от Тромсе до Анденеса, расположенного на северной оконечности острова Андойя, всего километров 200 (меньше) к юго-западу от Тромсе, а по шоссе, огибая фьорды и переезжая по изящным высоким мостам с острова на остров, все 500. Эти 500 километров мы преодолели с несколькими остановками на отдых к 18-ти часам.

Красота потрясающая. Пейзажи напоминают то Крым, то Кавказ, то Байкал, то

Телецкое, то озеро Рица с той только разницей, что следы современной человеческой цивилизации не портят природу, а украшают её.

— Вот только бедного Славу к концу пути совершенно укачало на серпантинах, специально останавливались, чтобы дать ему прийти в себя. Во время одной из остановок мы обнаружили подосиновики на газонах. Оказалось, норвежцы грибы не собирают - чего, мол, гадость всякую есть, нормальной пищи что ли не хватает; говорят из-за того, что ядовитые попадают.

— В Анденесе нас, русских, поселили не в основной гостинице "Андрикек", где жило большинство участников воркшопа, а в 5 километрах от неё, на ракетном полигоне Andoya Rocket Range (ARR), прямо на берегу Норвежского моря. Окно моего номера выходило на противоположную от моря сторону, и вид из него представлял собой двухступенчатую геофизическую ракету Nike, установленную в качестве монумента, на фоне отвесного склона горы, подступившей к морю.

Анденес, космодром, 26 сентября 1993 г.

Комфорт номеров на полигоне (в сущности, это гостиница для приезжающих на запуски) уступал WITH HOME отелю в Тромсе отсутствием бара и наличием телевизора только в холле, остальное всё сверкало не хуже. В Анденес мы ездили на той же "Тойоте", а когда возникали проблемы с водителем, нам предлагали ключи от неё или от любой другой свободной машины - езжайте, мол, сами. И иногда нас возил Успенский, иногда студенты, которые тоже жили на полигоне - из США, Японии, Англии, Дании, Франции.

Кстати, полное количество участников воркшопа - 96, в их числе - 17 из Норвегии, 16 из Финляндии, 12 из Швеции, по 11 из Франции и Великобритании, 9 из Германии, по 7 из России и США, по 2 из Дании и Японии и одному из Австрии и Канады.

Заседания проходили в Спорт-центре, недалеко от гостиницы "Андрикек", в ресторане которой мы завтракали (шведский стол) и ужинали (по ихнему меню из трёх блюд) за счёт норвежцев. Ланч же надо было оплачивать самим, и мы либо ехали на полигон кормиться из своих запасов, либо оставались в Анденесе, обходясь без обеда и частично компенсируя его бесплатными кофепитиями с выпечкой во время кофе - брейков (один до обеда и один после).

На заседаниях сидели просторно за удобными столами, бумаги таскали в бело-синих сумках с эмблемами EISCAT и ARR, врученных участникам при регистрации.

Докладчиков я понимал хорошо, а по близким мне направлениям исследований и вовсе без каких-либо затруднений, и уже в первый день осмеливался задавать вопросы по-

английски. Весёлое впечатление производили французы своим английским, например, очень распространенные в геофизической лексике термины *temperature, density, velocity, measurements, results* они произносили так: температур, денсити, велосити, мезурементс, результс, ничуть не смущаясь. Без комплексов.

— Вечером **27 сентября**, по окончании первого рабочего дня воркшопа на полигоне, куда свезли на автобусах всех участников, состоялась вечеринка установления дружеских контактов - *ice-breaking party*. В бокалы разливали сухое вино (и доливали по мере выливания) и раздавали микроскопические, не знаю даже как назвать, бутербродики на палочках, в роде шашлычков из кусочков хлеба, сыра, ягодинок винограда и ещё чего-то непонятного. Тесновато, есть столики, но большинство общается стоя.

— И вот стою я со своим бокалом и закуской чуть в сторонке, чтобы не толкали, а ко мне вдруг практически одновременно подходят с двух сторон два мужика, - пардон, джентльмена, - и я обалдеваю: это же классики - Ришбет, англичанин, ему за 70 уже, высокий, сухощавый, седой и криворукий, и Бэнкс, американец, похож, кстати, на итальянца или француза, - авторы известных монографий по геофизике, статьи которых я не пропускал ни одной с тех пор как ионосферным моделированием стал заниматься.

— Ришбета я узнал, по внешности (накануне показали), а Бэнкса по лэйблу на груди. Чем я их привлек - не знаю, наверное, тем, что из России, и тут я пошёл шпарить *about situation in Russia*, что их очень интересовало, и о том, как я счастлив встретиться тут с людьми, которых считаю своими учителями, в общем рассердечнейший разговор с доброжелательнейшими собеседниками, и я, действительно, был счастлив.

— Но мало того, неподалеку Штуббе стоял, из Германии, с усовершенствования модели которого я начал свою ионосферную деятельность с Костей Латышевым двадцать с лишним лет назад, и когда Бэнкса и Ришбета у меня перехватили, я подошёл к огромному Штуббе (почему-то не ожидал, что он такой) в тот момент никем не занятому, представился, высказал массу своих тёплых чувств к нему и даже про модель нашу что-то рассказал, и на вопросы его ответил, про граничные условия для потенциала, короче, пообщался вдоволь.

— Затем с Шейлой Кирквуд из Кируны познакомился, по просьбе Власкова передал ей привет от него и спасибо за данные.

— А потом не помню уж как вышел на Алана Фармера из Лондона (лет 40, в очках, симпатичный, по виду настоящий англичанин), который оказался самым нужным и интересным компаньоном для меня из всех участников.

— Дело в том, что именно он представлял здесь лондонско-шеффилдскую глобальную модель термосферы и ионосферы, наиболее близкую нашей по постановке задачи (точнее, одну из двух наиболее близких, ещё есть американская похожая, но от них никого не было). Так вот эту английскую модель делал, главным образом, Тимоти Фуллер-Рауэлл, который, как я узнал от Фармера, переехал в Штаты по печальной, как Фармер выразился, причине - потерял преподавательскую работу. И теперь за эту модель отвечает Фармер, который пытается её совершенствовать дальше. Но у него практически нет людей, и в этом его главная проблема.

— А у нас народу достаточно, а вот с компьютерами беда, - делился я с ним своими горестями.

— Так приезжайте к нам, у нас никаких проблем с компьютерами!

— Тут к нам подошла девушка, распродававшая среди участников банкета свитера и футболки с ЕЙСКАТовской символикой, и Фармер взял, не глядя, что ему сунули, а когда мне стали предлагать, то я, разумеется, начал отнекиваться: я, мол, нищий профессор из России, мой скромный заработок не позволяет...

— Фармер всё это прекратил, купив ещё одну футболку и подарив её мне, не взирая на мои "что Вы, что Вы, зачем, не надо" (...it is too expensive gift...).

— Тут объявили, что пора в автобусы садиться и ехать на ужин в Анденес, я пошёл к

себе в номер футболку относить, встретился со Славой, стали делиться впечатлениями от знакомства, и автобусы уехали без нас. Впрочем, я уже и сыт был всем по горло в том смысле, что и есть не хотел, и общаться устал по-английски, но Слава уговорил меня пойти в Анденес пешком, прогуляемся, мол, по крайней мере.

___ Изредка нас обгоняли машины, и Слава предложил проголосовать. В результате, мы втиснулись в машину, в которой сидел тот самый Брекке, один из руководителей ЕИСКАТ, норвежец, который, собственно, и пригласил нас сюда.

___ Мы успели к ужину и я оказался за одним столом с французами - Алкайдом, Кофманом и мадам Летюлье. Конечно, заговорили о Russian situation, а потом перешли на науку, быстро обнаружили общие интересы, я выразил скепсис по части некоторых их выводов, касающихся термосферных ветров, пообещал проверить их на своей модели, они же рекомендовали мне познакомиться с мадам Фонтен, которая пока ещё не приехала, но будет здесь, она вроде бы очень заинтересована в таких моделях как наша и кооперируется с американцами.

___ Вернувшись домой (то есть на полигон и в свой номер), я долго не мог заснуть, возбуждённый впечатлениями от всех встреч и знакомств. Только теперь я по-настоящему ощутил себя членом мирового сообщества ученых. Ради одного этого только стоило переезжать в Мурманск.

___ Хотя заснул я поздно, проснулся утром, как обычно, в 5 по местному (организм продолжал жить по московскому, да ещё и летнему) времени. В предыдущий день я бегал от полигона налево (если стоять спиной к морю) в сторону Анденеса, а теперь решил сбегать направо, посмотреть, куда шоссе ведёт. Поначалу мне показалось, что оно тут где-то и кончается: справа горы обрываются прямо в море. Вот туда я и побежал.

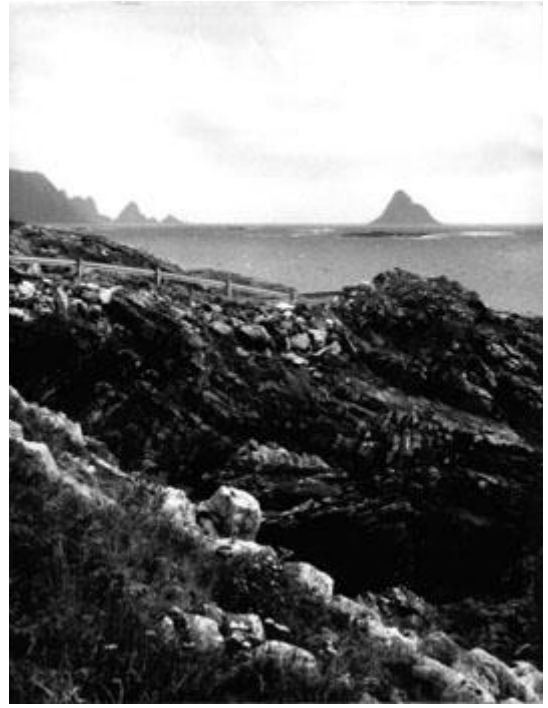
___ Погода на Андойе, кстати, совсем не такая как в Тромсе, укрытом от моря гористыми островами. Там золотая осень, солнце, утром заморозки, а тут пасмурно, влажно и тепло даже по ночам. Напоминает Сочи в конце октября - начале ноября.

___ Обогнув мыс по шоссе, прижатому горами к самому морю, я увидел небольшую бухту, а за ней туннель, у входа в который на скале намалевано WELCOME TO BLEIK, и я вспомнил, что здесь, действительно, где-то городок Блейк должен быть. Пробежав через туннель, я выбежал в новую бухту, очень большую, с белой полосой песчаного пляжа, на дальнем берегу которой лежал Блейк.

___ И я бегу и плачу:

___ - Где это я бегу? Снится это мне всё, что ли?

___ - А ничего, это Норвегия, это вот Норвежское море справа, а впереди город Блейк.

Это Норвегия, это вот Норвежское море справа, а впереди город Блейк.

Весь день я сосредоточенно слушал все доклады подряд, тренируя слуховое восприятие английского, а в перерывах раздавал оттиски последней нашей статьи по модели, опубликованной в *Journal of Atmospheric and Terrestrial Physics*, всем, с кем познакомился накануне. И в последующие дни я не пропустил ни одного выступления, хотя отнюдь не все они были для меня интересными, стараясь выжать максимум из этой поездки в части языка.

Кстати, удивил меня Миша Успенский, который из-за границ годами не вылезает и имеет там массу знакомых. Его английский коряв, и словарь не слишком богат, а чувствует он себя вполне уверенно и весьма разговорчив, так что главное - не комплексовать, не стесняться разговаривать, не бояться ошибок.

Слава Ляцкий делал свой доклад **29 сентября**. Он страшно волновался, ошибался в произношении, ударениях и грамматике, но доклад безусловно сделал хороший по научному содержанию и заинтересовал аудиторию, которая с пониманием отнеслась к его языковым проблемам.

К тому же Слава, говорил громко, отдельно, чувствовался его внутренний темперамент, увлечённость проблемой, а это всегда импонирует. И напротив, вялое тихое бормотание даже на безукоризненном английском только раздражает. А показатель интереса к докладу - вопросы. Их, кстати, отнюдь не каждому докладчику задавали.

Слава больше всего боялся, что он вопросов не поймёт, и просил Успенского и меня помочь ему, если такое случится. Так оно и произошло. Славе задали пару вопросов, сопроводив их предварительными рассуждениями, которые любят изрекать вопрошающие, так что и при знании языка бывает трудно понять, чего хочет задающий вопрос, и в чем, собственно, вопрос состоит. Я не уверен, что Успенский правильно перевёл Славе вопросы (сам я их не понял), но это дало возможность Славе ещё немного повыступать и благополучно закруглиться.

Скинув груз доклада, Слава взялся за главную свою задачу: устанавливать связи, хотя он уже до этого договорился с норвежцами, что останется ещё на несколько дней по нагретым делам (эксперименты по искусственному радиоразогреву ионосферы ранее курировали в теоретическом плане немцы, и в частности - Штуббе, а год назад они прекратили работы в этом направлении, и Слава ринулся заполнять образовавшуюся дыру).

Но ему этого было мало, и во время кофе-брейков он слонялся с таким откровенно

выискивающим видом - возьмите, мол, меня ещё куда-нибудь, я согласен на любое сотрудничество, что я не мог от смеха удержаться.

—И когда я с Фармером разговаривал по поводу его стендового доклада, Слава, почуяв, что тут пахнет сотрудничеством, моментально попытался влезть. Я ему потом сказал беззлобно:

—- Слава, ты как воробей прыгаешь вокруг стаи голубей, накинувшихся на корку хлеба, пустите, мол, и меня туда же. Несolidно. Ты же себя крупным учёным считаешь, пусть они за тобой гоняются.

—Слава признался, что его мечта теперь - создать лабораторию из русских учёных где-нибудь тут на Западе.

—- Ну, ну, - только я и нашёл, что ему ответить на это.

—А с Фармером я наговорился вдоволь. И его расспросил, и ему рассказал о наших результатах, и мы договорились провести сопоставление результатов расчётов на обоих моделях для одной и той же геофизической ситуации, согласовали, какие свои данные Фармер пришлёт нам, договорились поначалу держать связь через электронную почту (кстати, мы уже обменялись с ним E-mail посланиями, проверив канал Апатиты-Лондон).

—Мой доклад состоялся **30 сентября** в первую половину дня и, по словам Славы и Али, получился удачным, хотя Слава и заметил, что я однажды F2-region произнес как "эф ДВА риджен". Пивоваров сказал, что я слишком много времени потратил на постановку задачи, и он боялся, что я просто не успею представить результаты. Я же вполне сознательно уделил больше внимания постановке, поскольку в такой аудитории было чрезвычайно важно услышать критику в первую очередь по постановке задачи.

—Ну, а главный показатель успеха или неудачи выступления, на мой взгляд, - вопросы. Мне их задали четыре, и это максимум. А главное, я их понял и спокойно ответил, хотя двое из вопрошавших (Ришбет и Опгенорт из Швеции) не столько спрашивали, сколько сами выступали. Суть их высказываний сводилась к тому, что работу нельзя считать законченной, надо ещё то посмотреть, сё посмотреть, с чем я согласился безусловно, заявив, что мы как раз этим сейчас и занимаемся.

—После обеда в этот день планировалось китобойное сафари (500 крон), но почему-то его заменили тресковой рыбалкой (150 крон, больше всех Успенский поймал), но я не собирался ходить в моря, а запланировал пройтись с фотоаппаратом по беговому своему маршруту в сторону Блейка. Фотографии я уже отпечатал, и, хоть снимал в пасмурную погоду, получились они, считаю, хорошо, вполне отражая суровую красоту этих мест.

—Шагая по дороге, я вдруг услышал странные крики справа от шоссе, у моря, и разглядел ковыляющую по камням к воде животину - по виду морской котик, а в воде бултыхался второй (друг или подруга), и они затеяли возню, а потом я потерял их из вида.

—А на обратном пути я встретил на пустынном шоссе Свет Санну, и она сказала:

—- Тесен мир!

—Вечером был банкет с приглашённой певицей, которой аккомпанировал русский пианист Сергей Осадчук (если не ошибаюсь с фамилией), осевший не так давно в Тромсе. На банкете я узнал, что следующий ЕИСКАТовский воркшоп (они проходят раз в два года) будет во Франции, и, возможно, на Корсике.

—Кстати, французы ко мне больше не подходили. Боюсь, что после моего доклада они почуяли во мне конкурента. Я же навязываться не захотел, тем более взяв уже некоторые обязательства перед Фармером. Решил, что войду с ними в контакт попозже, детальнее разобравшись в том, что они делают.

—Последний рабочий день был **1 октября**. Фармер подарил мне свой стендовый доклад с цветными картинками, а я ему бутылку водки ("Drink it with your colleagues and remember me"), которую он не стыдливо сунул в сумку, а победоносно понёс в руке, весьма довольный.

—На заключительной дискуссии очень много слов говорилось о важности математического моделирования, о соединении эксперимента с моделированием,

желательно в реальном времени, о глобальных эффектах, и все эти слова для меня, конечно, были как бальзам на душу, вдохновляя на будущие подвиги.

___ Утром **2 октября** в последний раз бегал в сторону Блейка. Как обычно, в рань несусветную. И в конце почти маршрута, у кладбища, расположенного километрах в двух от Блейка, увидел лося, стоящего на откосе слева от дороги, рядом совсем с ней. Стоит, голову повернул в мою сторону и смотрит. Они же видят плохо, а тут ещё не вполне рассвело.

___ А сверху, с гор звуки какие-то трубные раздаются, как в сказке прямо, сородич его, наверное, орёт. И стадо овец (а какие там овцы толстенные, или шубы у них такие?) по крутому склону ползёт со звуками ботала у предводителя. Я замедлил бег, уступая дорогу лосю, и он спустился на шоссе и потрусил прямо по дороге в Блейк.

___ А я заглянул на кладбище. Часовня, небольшие каменные надгробья, без холмиков, и даты: 1886 - 1982 и т.п., в основном умирают в возрасте около 90 лет.

___ Последний раз позавтракали в "Андрикесе". Я обратил внимание на то, что меня тут зубы совершенно перестали беспокоить. Уж не от того ли, что я тут повадился соки натуральные по утрам пить? Сначала апельсиновый, а потом распознал, что ананасовый вкуснее, хоть и мутнее на вид.

___ После завтрака мы забросили в аэропорт (в крошечном Анденесе нормальный аэропорт) Свет Санну и Трошичева, которые улетали в Осло, а оттуда в Санкт-Петербург, а остальные пятеро русских и Эрик Малнес за рулём отправились в Тромсе тем же путем, каким и прибыли сюда. В этот раз на дорогу потратили меньше времени - шесть часов всего, и Слава выдержал до конца. Налюбовались напоследок Северной Норвегией вдоволь, и я на прощание подарил вторую свою бутылку водки Эрику.

___ В Тромсе мы вновь поселились в WITH HOME HOTEL, где нам предстояло просто дожидаться своего авиарейса Тромсе - Мурманск 4 октября. Пленку я уже всю отщёлкал и собирался заниматься английским с помощью TV.

___ **3 октября** с утра (после бега и завтрака) я смотрел передачу CNN "Уикэнд с Хиллари" (очень она на меня хорошее впечатление произвела - я имею в виду Хиллари - и как женщина обаятельная, и умница, и английский у нее отчётливый), потом пошёл прогуляться, а когда вернулся...

___... CNN вело прямой репортаж из Москвы от Белого Дома, и я, естественно, как прилип к экрану, так и провёл перед ним всё оставшееся время, наблюдая в живом эфире и призывы Руцкого брать мэрию и Останкино, и всю последующую стрельбу.

___ На моих глазах репортеры CNN, ведущие передачу из Москвы, обрастали щетиной, у них появлялись чёрные круги под глазами, но дело своё они делали классно. Передача шла круглосуточно, с очень короткими перерывами.

___ Всё это, конечно, отравило мои впечатления, от сказочной Норвегии, испортило настроение под самый конец. Сбылись опасения, что мы вернёмся в другую страну. Уехали из скандальной, приехали в окровавленную. Я уж про Грузию не говорю.

___ Хорошо ещё, что армия не раскололась. И поразительно: танки палят, а зеваки глазуют. Правда, может, это и слава Богу, что глазуют, а не ввязываются...

Ну, ладно, сынуля. На этом остановлюсь. Пишу письмо уже шестой день, рукописных 25 страниц накатал, пойду сейчас на компьютере набирать, чтобы бумаги поменьше отправлять и себе копию для мемуаров оставить.

Окончательно ли ты определился с кафедрой? Как твои ссадины? Как ладите с соседом по комнате? А ты вносишь свой пай в питание? Не забывай бабуле во Владимир позвонить хоть изредка, ей там очень тяжело. Поддерживаешь ли связь с Ириной? Михаил уже второй раз тренировочную одежду потерял, разоритель семейный. Как там "Балтика" и "Зенит"?

___Ждём твоих писем, целуем. Папа, мама.

___Кончил набирать 15 октября.

___Итак, я прилетел из Тромсе прямым рейсом в Мурманск 4 октября. В аэропорту узнал о сдаче защитников Белого Дома, в такси - об аресте Руцкого и Хасбулатова. Сашуля, слава Богу, оказалась дома. А Пивоваров в аэропорту Евдокию Гаер (малюсенькая такая, чукчеобразная) опознал и всем торжественно объявлял, что это она мать-Россия и есть.

___- Ну и клоун он у Вас, - сказала мне женщина, про которую я потом только сообразил, что это жена Иванова. Тоже из Норвегии возвращалась.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)___ [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)